

Старейший денежный двор

К вопросу о топографии Московского денежного двора до реформы Елены Глинской

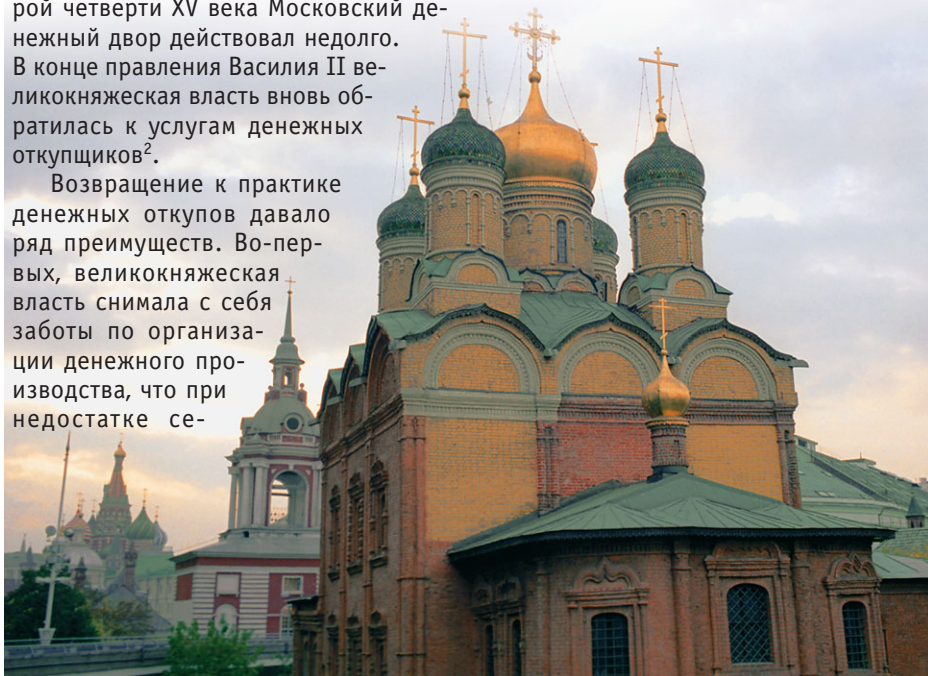
С.Н. Таценко, музей истории города Москвы

Первое упоминание о Московском денежном дворе относится к середине XVI века. Однако есть сведения его существования и в более раннее время. Н.Д. Мец на основании выделенной и исследованной ею значительной группы монет времени Василия Темного пришла к выводу, что выпуск их был по силам лишь крупному денежному производству, сосредоточенному в одном месте, каковым и мог являться денежный двор. Его учреждение было связано с денежной реформой, проведенной правительством малолетнего Василия II в 1425 году¹.

В условиях феодальной войны второй четверти XV века Московский денежный двор действовал недолго. В конце правления Василия II великокняжеская власть вновь обратилась к услугам денежных откупщиков².

Возвращение к практике денежных откупов давало ряд преимуществ. Во-первых, великокняжеская власть снимала с себя заботы по организации денежного производства, что при недостатке се-

ребра (сырья) или монет, было весьма существенным. Во-вторых, великокняжеская казна могла получить требуемую от откупщика сумму сразу или в скором времени, пусть даже и частями. Поступавшие в казну денежные суммы были важным подспорьем в борьбе Василия II, а потом и его преемника Ивана III, за единство Руси. Вместе с тем правительство сохраняло контроль над денежным производством, хотя и не в полном объеме. Это, прежде всего, выражалось в размещении титула и имени правителя на поле монеты, в выборе определенных изображений и ответст-

венности откупщиков перед казной за полновесность и полноценность своей продукции. Очевидно, поэтому в некоторых случаях откупщики выпускали монеты под своим именем.

В свою очередь, и откупщики преследовали определенную выгоду. Отданную в казну денежную сумму, они пытались восполнить за счет частных и казенных заказчиков, которые сдавали им серебро для перечеканки его в монету. За чеканку откупщиками взималась определенная плата: «пошлина» и денежным мастерам за работу. Порой денежные откупщики прибегали и к другому способу повышения дохода, который заключался в негласном понижении веса монеты или уменьшении в ней доли серебра³.

Взять на откуп денежное производство в то время могли только весьма состоятельные люди, обладатели значительных денежных сумм. Таковыми тогда были крупные торговцы и серебряных дел мастера. Письменные и нумизматические источники сохранили имена некоторых из них. Так, в Московском летописном своде конца XV века известен денежник Иван Фрязин, родом из итальянского города Виченцы. Настоящее его имя было Джан Баттиста дела Вольпе⁴.

Как денежник и даже «наш денежник» Иван Фрязин упоминается в летописях в 1469 и 1472 годах. В 1473 году, в связи с неосторожным вмешательством в тайную дипломатию, он попал в опалу и был сослан в Коломну. Вологодский князь Андрей Васильевич был должен ему 350 рублей⁵. Нумизматы с Иваном Фрязиным связывают чеканку золотых монет на подобие «угорских» (венгерских) дукатов с именами двух великих князей Ивана III и его сына Ивана Молодого⁶.

Хорошо известны монеты двух других денежников — Орнистотеля (на монете — «oRNISToTELES») и Александро

(на монете — «МАСТЕРЪ АЛЕКСАНДРО»). Их имена ставились на оборотной стороне монет времени Ивана III⁷. Это давало возможность властям контролировать производственную деятельность денежников-откупщиков, каждый из которых должен был отвечать за качество своей продукции.

До сих пор полагают, что денежник Орнистотель — это знаменитый итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, прибывший в Россию в 1475 году и в 1479 построивший Успенский собор в Московском Кремле. Подтверждением тому может служить и обвинение мастера властями его родного города Болоньи в изготовлении фальшивых монет в 1473 году. Однако еще русский нумизмат А.В. Орешников в 1914 году высказал на этот счет ряд сомнений, считая, что под именем «Орнистотеля» мог скрываться другой денежный мастер⁸. Выпуск его монет, в отличие от монет с именем «Александро», был значительным, наверное, и по масштабам XV века. По всей видимости, они были на руках у населения и в XVII столетии, так как несколько экземпляров таких монет было обнаружено в огромном кладе с Гостиного двора середины XVII века⁹.

Откупная денежная система существовала в Москве довольно долго. И.Г. Спасский считал, что она сохранялась вплоть до реформы Елены Глинской¹⁰. О денежных откупах упоминается в Духовной грамоте Ивана III 1504 года: «А сын мои Юрьи с братьею по своим уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят, а денги велит делати сын мои Василеи на Москве и во Тфери, как было при мне, а откуп ведает сын мои Василеи, а в откуп у него мои дети, Юрьи с братьею, не вступаются»¹¹. Об откупном характере чеканки в Москве говорит и внешний облик самих монет. Прежде всего, как отмечал И.Г. Спасский, это за-

ключалось в отсутствии «четкого эталона» в выборе изображений и надписей на московских и тверских монетах. Объяснялось это и тем, что денежный откуп был существенной статьей дохода самого великого князя¹². В то же время в недавно присоединенных городах Новгороде и Пскове работали уже единые государевы денежные дворы, чеканившие общегосударственную монету. Очевидно, поэтому они не были упомянуты в духовной грамоте великого князя.

Откупную денежную систему застает в Москве и императорский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 годах. По поводу этого он писал: «Почти все московские золотых дел мастера чеканят монету, и если кто принесит серебряные слитки и хочет получить монету, то они взвешивают деньги и серебро и выплачивают потом тем же весом; условленная плата, которую надо дать сверх равного веса золотых дел мастеру, невелика; они и в остальном дешево продают свой труд... Едва ли прошло сто лет с тех пор, как они начали употреблять серебряную монету, в особенности собственной чеканки»¹³.

Нумизматы часто приводят эти наблюдения императорского посла, касаясь вопроса организации денежного дела в России во времена правления Василия III. Так, И.Г. Спасский допускал их достоверность с рядом серьезных оговорок. Он полагал, что Герберштейн спутал денежных мастеров с обыкновенными менялами, которые действительно могли обменять серебро на монету¹⁴. А.С. Мельникова также считает, что речь идет не о праве каждого золотых дел мастера чеканить монету, а о существовании системы денежного откупа, когда денщик мог чеканить монету из серебра заказчика (частное лицо или государство), получив на это разрешение у правительства¹⁵.

Высказывание Герберштейна интересно еще и в другом плане. На примере Москвы оно дает ключ к выявлению того места, где мог находиться один из откупных дореформенных денежных дворов.

Чтобы ответить на вопрос: где находился или мог находиться откупной денежный двор, надо обратиться к тому денежному двору, который был хорошо известен в более позднее время, после реформы Елены Глинской, в годы правления Ивана Грозного.

Первые сведения, быть может, самые ранние, о местоположении денежного двора в Москве принадлежат Генриху Штадену. Описывая в своих «Записках» Китай-город по направлению от Варварских ворот к Кремлю, он сообщил: «...Далее был двор англичан, которые приезжают из Холмогор. Еще дальше — Денежный двор. За всем этим находились торговые ряды. Ряды тянулись вдоль площади перед Кремлем»¹⁶.

Единственно, на что не обратил внимание немец-опричник при описании

центральной части Москвы, так это на каменную церковь Вмч. Варвары, примыкавшую к денежному двору с противоположенной от Английского двора стороны. Она стояла между денежным двором и торговыми рядами «на площади перед Кремлем». Без внимания Г.Штадена остался и Гостиный двор на другой стороне Варварки. Очевидно, Штаден принял его за часть торговых рядов, которые тянулись сплошным массивом от Неглинных до Водяных ворот Китай-города.

Именно в очерченном треугольнике — церковь Вмч. Варвары, Гостиный двор, Английский двор — и заключается загадка местоположения старейшего денежного двора.

В 1514 году на Варварском крестце братья Василий Бобр, Юрий Урвихостов и Федор Вепрь на свои средства поставили каменную церковь Вмч. Варвары¹⁷. Самый старший из них, Василий Бобр, был московским гостем. Как правило, состоятельные или знатные люди строили каменные храмы либо на своем дворе, либо рядом со своим двором, либо на той улице, где они проживали. В 1450 году Владимир Ховрин на своем дворе заложил каменную церковь Воздвижения. Во времена Ивана III на Большом посаде стояла церковь Иоанна Златоуста, построенная московскими торговыми людьми¹⁸.

Возможно, что так было и на этот раз. Ведь церковь Вмч. Варвары от Старого денежного двора («Старым» он стал в XVII веке) отделяла лишь полсажени. Не рядом ли со своим двором (или, быть может, на своем дворе) поставили братья каменную церковь? Интересны и личности этих братьев. Василий Бобр за несколько лет до этого перестраивал в Новгороде торги, ряды и улицы на московский лад. Можем догадываться, что выбор великого князя для этого дела был не случайным. Федор Вепрь

был кредитором удельного князя Федора Волоцкого, который задолжал ему 300 рублей¹⁹. Если вспомнить тут о денежнике Иване Фрязине и о том, что он тоже давал деньги в рост московским князьям и боярам, то как не задаться вопросом: а не денежные ли откупщики перед нами? Не владели ли они действительно тем двором, на котором после реформы Елены Глинской чеканили единую монету, а до этого «откупные» деньги? Ведь и Английский двор тоже не сразу стал казенным, который запросто можно было пожаловать английским купцам. В конце XV века его построил для себя гость Иван Бобрищев (?). Однако известно, что этот двор именовался еще и «Юшкиным» или Юрьевым. М.Н. Тихомиров, например, считает, что владельцем его мог быть один из упомянутых братьев — Юрий (Юшка) Урвихостов. Высказывались соображения и в пользу выезжего грека Юрия Траханиота. Это был Юрий Старый, но кроме него был еще и его племянник, Юшка Малый²⁰. И оба могли быть владельцами будущего Английского двора. Интересно, что все указанные выше лица, от Василия Бобра до Траханиотов, были связаны делами с великокняжеской казной, а Юрии Траханиоты были казначеями²¹. В должниках у них были князья и бояре, кроме великого князя. Не связано ли это с денежными откупами? Вполне вероятно, что в начале XVI века Денежный и Английский дворы составляли собой единый комплекс, владельцами которого были вышеназванные лица.

Если это так, то надо сказать, что братья или один из братьев, по всей видимости, это был Василий Бобр, выгнали не только от доходного денежного откупа, но и от удачного его местоположения. Поблизости от этого места располагался Гостиный двор, где покупали, меняли и продавали серебро, и которое удобнее было отнести на откупной де-

нежный двор для перчеканки его в монету, чем сдавать в казну. Быть может поэтому учрежденный после реформы Елены Глинской и ставший государевым денежный двор остался на своем старом дореформенном месте.

В заключение рассмотрим возможную причастность к чеканке монет Аристотеля Фиораванти. В свое время венецианский дипломат Амброджио Контарини, бывший в Москве, указывал на местожительство знаменитого

архитектора в Кремле²². Не исключено, что там же находилась и его денежная мастерская.

Мы не знаем когда и по каким причинам палаты на Варварском крестце, у церкви Вмч. Варвары, которые уже во времена Ивана Грозного назывались Английским и Денежным дворами, были отписаны в казну. Вполне вероятно, это произошло по причине их вымороченности. Но в середине XVI века пути их значительно разошлись.

Литература

1. *Мец Н.Д.* Монеты великого княжества Московского (1425–1462 гг.)// Нумизматический сборник. Ч.3. М. 1974. С. 47.
2. Там же. С. 56–62, 64.
3. *Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 года. М. 1996. С. 19, 20, 45, 50, 123, 124; Федоров-Давыдов Г.А. Монеты-свидетели прошлого. М. 1985. С. 138–139; Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М. 1989. С. 23.
4. *Скржинская Е.Ч.* Московская Русь и Венеция времен Ивана III// Она же. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб. 2000. С. 186.
5. Там же. С. 186–215; Духовные и Договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.-Л. 1950. С. 276.
6. *Федоров-Давыдов Г.А.* Ук.соч. С. 138–144.
7. *Орешников А.В.* Русские монеты. С. 123, 124.
8. Он же. Орнистотель, денежник Ивана III// Старая Москва. Выпуск второй. М. 1914. С. 50–52.
9. *Векслер А.Г., Мельникова А.С.* Сокровища старого Гостиного двора.// Наука и жизнь. М. 1997. № 8. С. 13–16.
10. *Спасский И.Г.* Деньги// Очерки русской культуры XVI века. М. 1977. Ч. 1. С. 229–230.
11. Духовные и договорные грамоты. С. 361.
12. *Спасский И.Г.* Ук. соч. С. 229.
13. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М. 1988. С. 123.
14. *Спасский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование// Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. М. 1955. С. 260.
15. *Мельникова А.С.* Комментарии// Герберштейн С. Записки о Московии. № 364. С. 323.
16. *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М. 2002. С. 64.
17. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М. 1972. С. 213.
18. Ермолинская летопись. Рязань. 2000. С. 205; Вологодско-Пермская летопись// ПСРЛ. Т. 26. С. 278.
19. *Зимин А.А.* Ук. соч. С. 95, 214.
20. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII–XV вв. М. 1992. С. 141, 150.
21. Подробнее об этом см.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России второй половины XV-первой трети XVI в. М. 1988. С. 270–275.
22. *Контарини А.* Рассказ о путешествии в Москву в 1476–1477 гг.// Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986. С. 21; Бондаренко И.А. К вопросу о личности Антона Фрязина// Кремль России. М. 2003. С. 41.